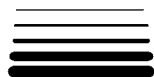
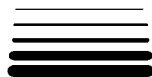

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Приглашение к размышлению

Н.Н. ЗАРУБИНА. ДЕНЬГИ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН М.: Анкил, 2011. – 192 с.

З.Т. ГОЛЕНКОВА, А.П. ДАВЫДОВ

В центре внимания в монографии несколько существенных вопросов социальной теории, связанных с феноменом денег: природа денег, социальная роль денег, мифология денег, влияние денег на социальное конструирование пространства и времени, деньги и культура. Казалось бы, что после К. Маркса и Г. Зиммеля ничего о феномене денег сказать нельзя. Но глобализация, разворачивающаяся на наших глазах, заставляет по-новому взглянуть на то, что кажется устоявшимся. Автор не очень преувеличивает, когда пишет, что «экономисты, социологи, философы и другие ученые до сих пор не дали общего объяснения этого феномена и не открыли законов стабильного и надежного управления деньгами» (с. 5). В заслугу автору следует поставить то, что книга призывает к полемике, потому что погружает читателя в самый эпицентр дискуссионных проблем. Но комментировать все разделы книги невозможно: слишком обширна ее тематика. Для комментария мы выбрали одну, пожалуй, самую спорную тему: *социальная природа денег*. В ней автор пытается продвинуться дальше всего в объяснении новизны социального в условиях глобализации. Мы приветствуем эту попытку, хотя, на наш взгляд, она не лишена недостатков.

Деньги как способ социального развития

Н.Н. Зарубина как исследователь-теоретик делает хорошее дело – выстраивает современную общую теорию денег в условиях, когда отчуждение денег от места, времени и способа их рождения достигло небывалых масштабов и глубины. Глобализация не отменила самого процесса отчуждения, хотя придала ему новые черты. Автор подчеркивает, что деньги сегодня, оторвавшись от исторически сложившихся социально-экономических форм (производства, торговли, акционирования, кредитных отношений, средства обмена) стали гигантским фактором:

- развития глобальной рыночной экономики и экономики финансов;
- формирования в отдельных странах международных норм и форм социального развития;
- глобальной социальной коммуникации;

– такого специфического «бескачественного» явления, как международные деньги, символические деньги, «холодные» деньги, «семиотические» деньги, электронные деньги, деньги как «пустой знак», «ничто». Эта новизна в современном финансовом секторе видна невооруженным глазом. Ей во всем мире посвящена большая литература, много создано словесного тумана и непроходимых завалов писателями, публицистами, да и специалистами, и автор правильно делает, что в объяснении этой новизны остается в рамках классической теории денег (А. Смит, К. Маркс, М. Вебер, Г. Зиммель, К. Поланьи).

Автор приветствует развитие денег как важнейшего фактора рационализации и развития социальных отношений в условиях глобализации. Новые моменты в этом развитии можно обобщить следующим образом:

– В функции денег уменьшается исторически сложившаяся роль инструмента обмена по схеме «товар – деньги – товар». Деньги сами по себе воспроизводят деньги и через этот механизм становятся все более независимым от хозяйственной деятельности фактором преумножения богатства.

– Развитие новой функции денег наиболее благоприятно только в условиях интеграции национальных экономик и финансов в мировые экономические и финансовые системы. Усиливается взаимозависимость национальных финансовых механизмов от успехов и неудач финансовых механизмов других стран. В странах мира возникают тождественные финансовые регуляторы, что существенно облегчает преодоление национальных финансовых кризисов. Глобализация из области теоретической схемы переходит в область реальности.

– Виртуализация и глобализация движения денег несет в себе увеличение рисков для операторов денежных потоков. Изучение рисков становится основным направлением в управлении финансами.

– В финансовом сообществе создаются мощные группы, которые, постепенно отдаляясь от сферы экономики, принимают все большее участие в решении социальных задач. Эта динамика в условиях глобализации формирует новое качество социальной коммуникации.

Несмотря на мощное позитивное влияние денег в условиях глобализации, Зарубина правильно указывает и на их разрушительную роль. Автор говорит о дезинтегрирующей роли денег. Эта роль проявляется в развале традиционных экономических укладов, разрушении исторически сложившейся культуры, традиционных нравов в обществе, в формировании человека нового типа – ориентирующегося, в основном, на удовлетворение потребностей своего «Я» и на этом основании новых потребностей и целей. «Эмансипация индивида» (Зиммель), формирование личности, независимой от традиционной культуры и формирующей новую культуру, – сложное явление и очень болезненный переходный процесс, который неизбежно несет в себе элемент разрушения.

Автор формулирует проблемы социального консенсуса в условиях перехода от дорынка к рынку: она пишет, что «ценность денег опреде-

ляется социальным контрактом и доверием, которое испытывают к ним участники сделок» (с. 6). Но поскольку в условиях перехода к обществу, в котором доминируют рыночные отношения, основанием доверия одновременно являются противоположные (как родовые, антирыночные, так и личностные, рыночные) ценности, то и достижение национального консенсуса по вопросам социального развития и особенно денежной политики – труднейшая проблема. Противоречия в определении базовых ценностей порождают раскол в обществе и блокируют реформы.

Автор, таким образом, акцентирует основные позитивные моменты динамики денег в условиях глобализации. Но мы не можем не обратить внимания на такую черту этой в целом добротной работы, которая кажется нам сомнительной. Автор, пожалуй, слишком доверяется определениям денег, которые повсеместно цитируются как классические. Эта абсолютизация в условиях ускорения движения экономик от дорынка к рыночному модерну плохо объясняет реальность.

Автор много раз, опираясь на Маркса и Зиммеля, говорит о том, что деньги интегрируют людей в общество, «связывая их друг с другом, одновременно освобождая от личных зависимостей» (с. 31). Или: «Рациональность, методичность, точность становятся важнейшими добродетелями человека, а само достоинство личности формулируется в метафоре денег: хороший, честный, надежный человек – “человек, достойный кредита”» (с. 27). Или: «Единственным значимым свойством самих денег является их количество» (там же). И т.д. Это – идеальные, нерасчлененные характеристики денег. Они действительно имеют право на существование, хотя относятся, в основном, к эпохе А. Смита.

Углубление изучения феномена денег связано с расчленением этого синкретичного смысла, и начало традиции его расчленения положил Маркс. В «Капитале» он писал о двух типах капитала – монополистическом, связанном с государством, подавляющем рынок, и рыночном, конкурентном, о расколе между ними. И деньги через свои «рациональность, методичность, точность», о которых пишет Зарубина, оказываются, могут быть неоднозначны, они могут обслуживать как дорыночного патриарха-госмонополиста, так и рыночного предпринимателя. И оба актора могут быть «достойны кредита». Современная теория денег не может пройти мимо явления двойственности денег.

Деньги, обслуживая традиционного госмонополиста, работают, в основном, по схеме «товар – деньги – товар», стремясь к максимальной прибыли и минимальному риску. И то, и другое ему обеспечивает его главное богатство – узурпированное право подавлять закон стоимости и конкуренцию. Главное же богатство современного оператора потоков электронных денег иное – его свобода и квалификация. Она – в умении рассчитать краткосрочную и среднесрочную рыночную конъюнктуру (например, миллиардер М. Прохоров в условиях финансового кризиса 2008 г. сумел свои акции никелевых и других предприятий накануне их падения своевременно перевести в деньги, а известный международный биржевой

игрок миллиардер Сорос накануне этого кризиса успел перевести свои активы в золото). Это умение просчитывать динамику рынков рыночный актер превратил в науку, доведя ее до изощренности. И опирается он только на одно — право свободно конкурировать на финансовых рынках и свободно передвигать свои активы в ту часть планеты, где они дают прибыль. Деньги, таким образом, оказываются в эпицентре конфликта между правом монополии подавлять свободное движение денег и правом денежного рынка бороться против диктата монополии.

Об этом типе раскола в условиях России точно писал В. Ленин в работе «Государство и революция». Он говорил о «старой» буржуазии в России, и о молодом рыночном капитале, основной характеристикой которого является свободная конкуренция. Он делал из этого свои выводы, с которыми мы можем сегодня соглашаться или не соглашаться. Но идея раскола между деньгами, обслуживающими госмонополиста и не ставшими в полной мере деньгами, и деньгами, требующими признания своего статуса как единственного эффективного инструмента обслуживания свободного рынка, сохраняет свою значимость для России и сегодня. Не случайно президент РФ Дмитрий Медведев сказал на Петербургском экономическом форуме 17 июня 2011 г.: «Хочу заявить предельно четко: мы не строим государственный капитализм. Да, у нас был этап развития, связанный с усилением роли государства в экономике (вспомним хотя бы как щедро правительство раздавало триллионы рублей, чтобы спасти от банкротства монополистов, обслуживающих государство. — *Авт.*). Он был, по сути, неизбежен и во многом в определенный период необходим», — передает слова Медведева агентство Интерфакс. — «Однако теперь потенциал этого пути исчерпан»¹. Заявление президента говорит, что в нынешней России противоречие между двумя способами производства прибыли и двумя типами движения денег сохраняется.

В чем политэкономический смысл этого противоречия, угрожающего в России расколом общества? Он в том, что социальная роль денег может быть двоякой: она может служить и архаизации общества на основании укрепления власти-собственности госмонополиста, и модернизации общества на основе развития прав личности, гражданского общества, свободной конкуренции и рынка. Двойственный характер социальной роли денег — основной предмет современной теории денег.

Деньги как «пустой знак»

Этот раздел, пожалуй, самый интересный и самый спорный в данной работе.

Автор отмечает важнейшую новую черту электронных денег — деньги как «пустой знак»: «В современном обществе способность денег выступать в форме пустого знака, не имеющего прямого референта в реальном хозяйстве, их превращение в отчужденное социальное «ничто» сделала их одним из основных факторов экономической и информационной глобализации, сформировавшей качественно новое пространство со-

циальных взаимодействий» (с. 186). Действительно, что такое биржевая стоимость денег, выраженная в цифрах, и купля-продажа этой стоимости игроками по итогам торгов? Это операция с некими знаками, условность которых определяется на бирже знаками денег, которые тоже являются знаками, т.е. знаками знаков, оторванных от хозяйственной деятельности, совершающейся в определенном месте в определенное время. Возникает эффект денег, которые действительно можно назвать «пустым знаком». Триллионы «пустых знаков», благодаря электронике, мгновенно передвигаются по миру, наиболее точно отражая основные тенденции, ожидания и намерения в мировой экономике. Работая в этой «пустой» сфере», деньги несут сегодня важнейшую функцию – становятся основным индикатором, определяющим рыночную конъюнктуру товаров, экономик, политик, предостерегая, обогащая и разоряя. Это новое явление в мире денег, которому всего несколько десятилетий и которое сегодня бурно развивается. И автор правильно делает, что уделяет этому феномену большое внимание.

Но создавая современную теорию денег, а автор выстраивает свою книгу именно в области конструирования такой теории, важно, однако, не абсолютизировать эту «пустоту». И нашим союзником в деле критики абсолютизаций, а их в книге изобилие, является К. Маркс. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс указывает, что сила денег устанавливать связи между различными вещами и людьми «кроется в их сущности, как отчужденной, отчуждающей и отчуждающей *родовой* сущности человека» (курсив наш. – *Авт.*). В основу своих выводов мы кладем отношение Маркса к денежному фетишизму, т.е. к явлению, которое стало предпосылкой того, что сегодня принято называть «пустотой» денег, деньгами как «ничто».

Технологически «пустые деньги» – действительно «ничто». Но ни К. Маркс, ни М. Вебер, ни Г. Зиммель никогда не говорили, что деньги в своем отчужденном, т.е. «пустом» состоянии – не стоимость. «Отчужденная мощь человечества» (Маркс) не может не стоять. Автор пишет: «Исследователи денег как социального феномена уже давно показали, что они стали универсальной абстракцией обмена лишь постольку, поскольку сами в процессе исторической эволюции лишаются социальной и культурной качественной определенности и содержания». И ссылается на К. Маркса и Г. Зиммеля. Но ни в XIX, ни в начале XX века европейская научная мысль не оперировала таким понятием, как глобализация. На представления классиков о глобальных масштабах функционирования денег, которые они изучали, влияли ныне устаревшие представления – о революционности самого передового в мире рабочего класса и его способности возглавить мировую революцию, о самой прогрессивной партии рабочего класса, которая через свой интернациональный характер способна объединить пролетариев всех стран, о мировых войнах. То глобальное социальное, которое сейчас развивается через понятие среднего класса, массовой культуры как явление, типичное для всех обществ мира в эпоху Маркса и Зиммеля, еще

не было осмыслено. Поэтому выводы классиков сегодня и чрезвычайно важны, и требуют современной их интерпретации. И самое главное – выводы классиков нельзя ни абсолютизировать, ни интерпретировать их через постмодернистские методологию и язык.

Если деньги не стоимость, «ничто», если их «нет», то что мы покупаем в обменниках? Автор цитирует современного исследователя природы денег Д. Э. Гаспаряна: «Деньги не могут иметь ценового выражения», «Деньги – это тот товар, которого нет», «Деньги – это Бог апофатика: он не дан как стоимость» (с. 45). Но если Гаспарян в своих постмодернистских абсолютизациях прав, то что в таком случае оценивается на валютных биржах, как не цена денег, которая определена в определенных обстоятельствах? Да, на биржах торгуются отчужденные деньги, деньги как абстракция, как знаки знаков. Но биржевая цена денег, тем не менее, меняется, а «ничто» не может меняться. Родовое содержание денег улетучилось. Но стоимость, которую сегодня отражают деньги, не перестала зависеть от реальной жизни в ее конкретных проявлениях – от природных катастроф, сдвигов в политике стран, ситуации на мировых рынках, намерений людей и т.д. (ни Маркс, ни Зиммель такого никогда не утверждали), поэтому мы не можем говорить об отчуждении как абсолюте. Деньги сегодня «пусты», т.е. отчуждены от конкретного человека как никогда ранее. Но не абсолютно. Их стоимость зависит от совершенно конкретного фактора – того, как чувствует себя человечество (физически, экономически, социально, морально) здесь и сейчас. И самочувствие это может измеряться через счет.

Автор ссылается на формулу Дж. Ритцера, согласно которой «деньги исторически эволюционируют от содержательного социального “нечто” в направлении “ничто”» (с. 43). Эта красивая формула, встречающаяся у многих постмодернистских авторов, плохо приспособлена к нуждам теоретического описания нынешнего уровня отчуждения денег, потому что современный процесс глобализации, который определяет «самочувствие» денег, это отнюдь не «ничто». Это новое «нечто». Это деньги как фетиш. Но это такой новый фетиш, который новым языком может многое рассказать о новой реальности. Деньги сегодня – это новый денежный фетишизм, формирующий такое качество новой культуры, как ее универсальность, т.е. способность воспроизводиться на основе смысла личности, все более освобождающейся от засилья стереотипов родовой культуры.

Методологическая некорректность постмодернистов в отношении денег в том, что они, стараясь продолжить Маркса – углубить и расширить наши представления о степени отчуждения денег от человека, абсолютизируют свои выводы². Постмодернисты в принципе идут правильным путем, но как бы их цели ни были оправданы, если их выводы абсолютизировать, то не избежать несуразиц. И автор их не избежала.

Автор пишет: «Господство денег становится полным и тотальным, они воплощают отчужденные социальные отношения, которые затем

становятся бессодержательным, пустым знаком, вырождаются в пустую кажимость» (с. 40). Но социальные отношения, как бы они ни были пропитаны монетаризмом, «пустотой» и «кажимостью» — это, все-таки, не то, что кажется, а то, что реально существует как фактор воспроизводства человека. Из реальности «пустоты», а не из ее «кажимости» для теории денег вытекает много последствий.

Автор пишет: «Знаки начинают господствовать над реальностью, вместо того, чтобы отражать ее содержание и смысл». И цитирует Г. Дебора: «Завершившееся отрицание человека берет под свой контроль всю полноту человеческого существования»³ (там же). «Перформанс» Дебора, а также, представляется, и Делеза, Гваттари, Хабермаса, отражает и содержание и смысл меняющейся реальности. Но теоретически неправильно противопоставлять господство законов финансового обращения над реальностью «отражению ее содержания и смысла». Неправильно и сетовать по поводу появления такого типа господства. Это господство, если оно родилось, следует приветствовать, потому что оно подталкивает сложившуюся реальность к тому, чтобы она быстрее менялась, заставляет нас видеть наши ошибки в управлении обществом и самокритично их исправлять.

И еще. Деньги — это, по Зиммелю, фактор освобождения субъекта. Но не абсолютного освобождения. Деньги ослабляют зависимость человека от культуры, но полностью освободить его от нее не могут. В ментальности человека всегда будет место эмоции: и вере, и мистике, и поклонению, и агрессии, и зависти, и мести, и патриотизму, и дружбе, и любви, и восхищению красотой, и состраданию, и бескорыстию, и творчеству, и тревоге, и заботе, и уникальности в самовыражении. В полноту человеческого существования все более вторгаются деньги как одно из рациональных выражений смысла социального всеобщего, и это хорошо, но могут ли они монетаризовать эмоцию и как этот иррационально-рациональный синтез выражается в счете — это проблема. Автор, казалось бы, соглашается с выводом о границах возможности денег. Но почему она говорит, что эти границы не преодолимы? Автор неоднократно подчеркивает, что все, что может измеряться деньгами, «не является истинно социальным»? Но разве брачный контракт — не истинно социальное? Разве трудовые споры -- не истинно социальное? Разве гражданское право, которое стоит на службе финансовых интересов субъектов, — не истинно социальное? Это — социальность, но новая, не привычная, та, которая измеряется не только деньгами, это новый момент в морали, и эту становящуюся мораль не надо блокировать, объявляя ее не истинной, ее надо всячески разрабатывать и осваивать, чтобы на выходе получить полноценного субъекта глобализации.

Автор вслед за Ж. Бодриаром отмечает парадокс: «Производство, реальная экономика также теряет объективную внеэкономическую мотивацию и детерминацию, то есть перестает быть обусловлено теми или иными реальными потребностями человека или общества, теряет соизмеримый человеку смысл» (там же). Что сказать на это? Это еще

одно постмодернистское преувеличение. Любой маркетинг начинается с изучения возможности сбыта, а не производства. Трудно представить, что предприниматель в рыночной экономике начнет производство товара, зная, что не сможет его продать или что прибыль от продажи не перекроет все его расходы хотя бы на десять процентов. Соизмеримый человеку смысл никогда не теряется, хотя, согласен: мера соизмеримости меняется. Разве не была Англия в свое время мировой фабрикой? И разве не является сегодня такой фабрикой Китай и страны ЮВА? Куда этот центр производства двинется через следующие пятьдесят-сто лет, кто знает? И если это движение мировой фабрики не соизмеримо со смыслом человека, то смыслу чего оно соизмеримо?

Автор пишет, что нынешнее «производство... развивается по своим имманентным законам и повинуется собственной логике, подчиняется собственным потребностям» (там же). По логике, которая подчиняется собственным потребностям производителя товара, развивается производство лишь в тоталитарных государствах, формулирующих цели, например, мирового господства – строить что-то самое большое и мощное в мире, чтобы выглядеть центром мира, либо совершать что-то вроде китайского «большого скачка» (1958), чтобы обогнать и перегнать всех, либо перепрыгнуть через фазы развития, чтобы сразу попасть в светлое будущее, которое наступит уже «при жизни нынешнего поколения» и т.д. Но в рыночной экономике такого не может быть по определению.

Из-за приверженности крайним суждениям автор не смогла избежать и других спорных моментов. Она, например, пишет: «Производство предлагает не то, что нужно потребителю, а то, что ему выгодно производить» (с. 41). Такое противопоставление бессмысленно. Что значит «выгодно»? Это значит, что производимый для продажи товар нужен потребителю, что он определенно, либо, скорее всего, будет куплен и что производитель это знает. Или: «Потребитель отныне получает не то, что ему нужно, а то, что предлагается, а точнее – агрессивно навязывается» (там же). То, что производитель все более не просто пассивно предлагает свой товар на рынке, но все более формирует покупательский спрос – это верно, но почему эту инициативу надо называть «агрессией»? Ее надо приветствовать. Ведь «агрессивное навязывание» товара, во-первых, диверсифицирует рынок, и, во-вторых, не отменяет его основного закона – покупатель принимает окончательное решение добровольно.

Социокультурные пределы функционирования денег

Автор правильно делает, что во всем сложном и многообразном спектре смыслов культуры особо выделяет вопросы веры. Именно способ веры является ядром того культурного кода, который во многом определяет динамику социального в условиях глобализации. Удастся обществу произвести сдвиги в интерпретации божественного – значит, удастся провести социальные реформы. Не удастся – интерпретация способа общения с Богом и божественным станет серьезным фактором блокиро-

вания реформ. Этот вывод правомерен и в отношении оценки роли денег в условиях глобализации.

Автор видит, что у монетаризации социальных отношений есть предел. И далее она ссылается на Зиммеля и С. Московичи, утверждающих, что возникновение денег связано с древнейшими архетипами дара и жертвы, лежащими в основе любого обмена. Этот феномен в культуре развивался и привел к следующему состоянию общества: «Таким образом, все имеет цену. Любой поступок совершается не «просто так», а в расчете на получение чего-то взамен. На этом основывается общество как система социальных связей» (с. 52). И хотя автор мыслит в правильном направлении и фактор расчета стоимости обмена в социальных отношениях в условиях глобализации усиливается, но все-таки опять не избегает абсолютизации. Она пишет: «С. Московичи подчеркивает, что экономика обмена – это экономика жертвы, поскольку эффективность жертвы пропорциональна цене того, что приносится в жертву. Христос приносит свою искупительную жертву, чтобы “придать смысл этому убеждению”» (там же).

Так говорить о вере нельзя. Пространство веры – это не пространство рынка. В смысловом пространстве веры не происходит обмена «баш на баш» между Богом и человеком: мол, я Тебе – веру в Тебя, а Ты мне – бессмертие моей души. Либо: я, Боже, приму муки и смерть на кресте, а Ты сделай так, чтобы эта жертва стала искупительной для всего человечества. Человек верит, потому что, согласно З. Фрейду и Э. Фромму, верить – это его способ жить. А этот способ происходит из специфики психического строя личности. В структуре личности на генном уровне заложена и диссидентская потребность к агрессии и творчеству, и конформистская потребность поклоняться. Да, элемент того, о чем говорят Московичи и Зарубина, в вере есть. И об этом свидетельствует хотя бы книга Иова Библии или сюжет о готовности Авраама принести в жертву Богу своего сына. Но все-таки в основе веры отнюдь не рынок. И Иисус пошел на крест не потому, что хотел придать смысл принципу экономической пропорциональности обмена. Он принял смерть, потому что он так жил и по-другому жить не мог. В анализе феномена веры работает не экономика, а экзистенциализм.

Несмотря на некоторые места в книге, которые нас смутили, мы с удовлетворением отмечаем, что автор в силу своей высокой квалификации и благодаря творческому подходу к предмету исследования сумела привлечь внимание к таким процессам в мире денег, которые требуют дальнейшего социологического осмысления. И это главное.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ http://www.bbc.co.uk/russian/business/2011/06/110617_medvedev_forum_st_pete.shtml

² Бодрийяр Ж. К критике политической экономики знака. – М., 2003; *Его же*. Символический обмен и смерть. – М., 2000.

³ Дебор Г. Общество спектакля. – М., Логос, 2000. – С. 35.